

К. А. СОЛОВЬЕВ

«ГОСПОДСТВУЙ И ИМЕЙ НАД ЩАСТЬЕМ ПОЛНУ ВЛАСТЬ»
СЕМАНТИКА ВЛАСТИ В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОДАХ
М. В. ЛОМОНОСОВА

Анализ текстов торжественных од М.В. Ломоносова, позволяет судить об эволюции его представлений о характере власти в России. В статье сделан вывод о том, что семантическое поле власти в одах Ломоносова менялось под действием внешних и внутренних факторов. Главные внешние факторы – личность того монарха, которому посвящалась ода, и место самого Ломоносова у трона, внутренние – знакомство с литературой и источниками по истории России, разработка собственной концепции ранней российской истории. Становясь старше, искусней и опытней, Ломоносов ощущал в себе силы и право перейти от восхвалений к наставлению.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, оды, история России, семантика власти, литература и власть в XVIII в.

М.В. Ломоносов был одним из тех, кто в XVIII в. создавал историческую науку России, не будучи историком по профессии. Для него, как и для других великих повествователей о русской истории (В.Н. Татищева, М.Н. Щербатова, а в начале XIX в. и М.Н. Карамзина), не существовало жестких границ между литературой и историей как способами письма (при том, естественно, что границы между литературным вымыслом и исторической правдой уже были установлены). Повествование о событиях прошлого как яркий, эмоционально насыщенный рассказ, обязательная нравственная оценка поступков исторических лиц, сопереживание героям и объяснение событий, лежащее скорее в плоскости психологии, чем поиска закономерностей – все это общие черты исторических сочинений того времени. Еще одна черта – осознанная публицистичность, на грани морализаторства, не оставлявшая места объективизму в отборе, изложении и оценке исторических фактов.

Авторы, названные выше и представляющие три другие вершины своеобразного квадрата, вмещавшего в себя историческое сознание России XVIII – начала XIX в., раскрывали свои представления о российской истории непосредственно в публицистике. Ломоносов публицистики не писал. В его случае именно литература, а точнее – поэзия, была не только возможностью выразить взгляды на историю, но и наиболее действенным способом эти взгляды сформировать. И занятия «одической поэзией» этому много способствовали.

Жанр «торжественной оды», в котором Ломоносов достиг вершин отечественной словесности и безусловного признания коллег и покровителей, требовал соотнесения событий современности с великими датами прошлого и деяниями предков. Торжественные оды писали к определен-

ной дате, связанной с военными победами или с главными государственными праздниками, к числу которых в XVIII в. относились четыре ежегодных царских дня (день восшествия на престол, день коронации, день тезоименительства и день рождения царствующей особы), а также дни рождения и кончины лиц царской семьи¹. Будучи одами «похвальными», они создавались в первую очередь для «прославления» монарха, приобретая «статус официального культурного факта»², а значит – документа, фиксирующего властные интенции в обществе.

Смысл «торжественной» оды, традиции которой были заложены еще в V в. до н.э. Пиндаром³, в «канонизации» исторического действия происходившего на глазах поэта, в переводе настоящего в вечное⁴. Автор оды, решавший, что заслуживает вечности, а что – нет, обладал властью «легитимации смыслов» через называние события, поступка, персонажа и рассказ о нем (нарратив)⁵. Эту функцию одической поэзии Е.А. Погосян назвала «политической эмоцией», которая фиксирует, как то или иное политическое событие должно было быть пережито подданными российского монарха⁶. Те поступки монарха, что воспеты в оде, и будут восприниматься как правильное (легитимное) властное поведение. Вставая в позу исторического рассказчика, автор оды, терял субъектность. Ода «оказывалась выражением общего мнения; голос одического поэта оборачивался гласом народным»⁷. Эта «пиндарическая» традиция торжественных од (через посредство Плиния Младшего и значительно более близкого к рассматриваемой эпохе Ронсара) была воспринята Ломоносовым из «петербургско-немецкой» поэзии Юнкера и Штелина, о чем подробно писал еще Л.В. Пумпянский⁸.

Другая традиция, идущая от Горация, – традиция политических од, в которых закрепляется идея служения государю и, даже, в большей степени, государству. Она важна для всей поэзии XVIII в., а особенно для Ломоносова. Недаром его перевод «Памятника» Горация, опубликованный в 1748 г. – первый в России⁹. Эта традиция требует воспринимать автора од «как вдохновенного пророка, учителя народа и выразителя самосознания нации»¹⁰. Пророк стоит и над царем, и над народом. Он

¹ Алексеева 2005. С. 7. Автор предлагает называть торжественные оды «государственными», что должно подчеркнуть их политическое значение.

² Бухаркин 2011. С. 96.

³ Имя Пиндара упомянуто Ломоносовым в первой же торжественной оде «Блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» (Ломоносов 1959. С. 29).

⁴ См.: Гаспаров 1980. С. 361-383.

⁵ Подробно о нарративе, легитимирующем знание: Лиотар 1998. С. 79-92.

⁶ Погосян 1997.

⁷ Бухаркин 2011. С. 96.

⁸ Пумпянский 1983. С. 3-44. Отмечено и влияние Буало (Серман 2006. С. 8).

⁹ Мусорина 2000. С. 86-90.

¹⁰ Салова 2005. С. 112.

тоже теряет свою субъектность, но по другой причине, нежели поэт – его устами говорит Бог. А это значит, что пророк может указать «путь», предсказать неведомые изменения, то есть, говоря современным языком, обозначить вектор развития общества.

Таким образом, мы можем говорить о том, что семантика политического слова в торжественных одах XVIII в. – двойная. С одной стороны, она учит власть быть легитимной, что значит совершать поступки, востребованные народом. С другой – учит народ понимать власть и служить ей. При этом автору од совсем не нужно что-либо критиковать в действиях власти, чтобы выразить свое к ней отношение. Ему вполне достаточно похвал. *Отбор* того, что следует хвалить; *обоснование* похвал и *сопряжение образов*, необходимых для выражения похвалы составляют семантическое поле власти в поэтической речи.

Первый опыт сочинения Ломоносовым «торжественной» оды относится к 1739 г. В «Оде на взятие Хотина» главный мотив легитимации власти – это *оправдание военной победой*. Самая показательная в этом отношении двадцатая строфа оды, выглядит так:

«Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней шадит.
Ея взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы»¹¹.

Слово «власть» здесь означает Российское государство, воинскими победами расширяющее свое пространство. А имя «правдивой» (в этом контексте – справедливой) Анны возникает, когда надо указать перед кем должны «смириться» народы после взятия русскими войсками Данцига и похода вдоль Рейна 1734 г. Славные победы русского оружия составляют «счастье» жителей России, которые теперь могут жить «военных не страшася бед», и Россия тем самым становится страной мира и покоя, «народ где Анну прославляет»¹². Мотив оправдания победами усилен отсылкой к истории русских военных побед. Свидетелями взятия Хотина становятся государи – победители прошлых лет: Петр I и «смиритель стран Кавказских» Иван IV¹³. Впоследствии этот мотив будет неоднократно использован Ломоносовым в его торжественных одах. Для этой же он – единственный, если не считать двух строк в строфе 28:

¹¹ Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 27.

¹² Там же. С. 29 (строфа 25).

¹³ Там же. С. 23.

«Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и Богиня,
Велика Анна, Ты доброт
Сияешь светом и щедрот...
Прости, что раб твой к громкой славе
Звучит что крепость сил Твоих,
Придать дерзнул не красной стих
В подданства знак Твоей державе»¹⁴.

Но «свет доброт и щедрот», в семантическом поле этой оды, выглядит, скорее, как надежда на награды (как победителям, так и автору, победы прославляющему), чем характеристика власти императрицы Анны.

В одах 1741 года, написанных в период номинального правления Ивана VI Антоновича, мотив оправдания власти победами звучит столь же сильно. В оде на день рождения императора (12 августа) он выглядит как обещание новых побед:

«Целую Ручки, что к державе
Природа мудра в свет дала,
Которы будут в громкой славе
Мечем страшить и гнать врага».
«Господствуй, радость, ты едина
Над Властью толь широких стран.
Но, мышлю, придет лишь година,
Познаешь как, что враг погран
Твоих удачами славных Дедов...»¹⁵.

В оде «Первые трофеи его величества Иоанна III, императора и самодержца всероссийскаго, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года», этот мотив переведен из будущего в настоящее время:

«Российских войск хвала растет,
Сердца продерсски страх трясет,
Младой Орел уж льва терзает;
Преж нежелъ ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой на Финских раз полях»¹⁶.

Но гораздо более важный, легитимационный мотив появляется в первой из этих од. Это *мотив исторической ответственности*, искусно вводимый Ломоносовым через обращение к событиям самого древнего прошлого. Отправной посыл звучит в 12 строфе: «Монарх Наш – сильных двух колен»¹⁷, – российского и германского. И поэт обращается к

¹⁴ Там же. С. 30.

¹⁵ Там же. С. 36 и 37.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 38.

истории приглашения Рюрика как к главному прецеденту формирования власти и утверждения правящей династии в российской истории:

«Разумной Гостомысл при смерти
Крепил Князей советом збор:
«Противных чтоб вам силу стерти,
Живите в дружбе, бойтесь ссор.
К брегам Варяжских вод сходите,
Мужей премудрых там просите,
Моглиб которы править вас».
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурик, Трувор были,
С Синавом три Князья у нас»¹⁸.

Далее Ломоносов упоминает «славных потомков» Рюрика: Игоря и Дмитрия Донского. Здесь перед нами – уникальный пример исторического «норманизма» Ломоносова. Это позже, когда история России станет предметом пристального изучения, Ломоносов станет основоположником антинорманистского направления в российской исторической науке. А в 1741 г. исторический норманизм прекрасно «укладывался» в текущие политические обстоятельства. Немец по отцу, Иоанн Антонович предстает в оде *будущим Игорем*:

«Что я пою воински звуки,
Которы быть хотят потом?
Пора воздеть на небо руки,
Просить о здравье то драгом,
Чего Иоанну я желаю»¹⁹.

И здесь уместно вновь обратиться к семантике власти и собственно термину «власть», используемому Ломоносовым в торжественных одах. Если в первой оде 1741 г. термин «Власть» (с заглавной буквы) – синоним слова «держава» (то есть правление), то во второй оде власть (со строчной буквы) – это собственно страна, Россия: «Смотри, тяжка коль Шведов страсть, / Коль им страшна Российска власть»²⁰. Собственно говоря, термин «власть» в первых одах Ломоносова практически невозможно отделить от термина «держава», трактуемого и как государство, и как страна. Кроме того, термины «власть» и «держава» могут обозначать и *правление* в стране. Правда, это последнее значение выражено крайне слабо, поскольку значение слова «власть», в одах этих лет, обращено вовне страны, на ее противников. И главным легитимирующим власть мотивом остается обращение к прошлым, настоящим и будущим военным победам.

Со вступлением на престол императрицы Елизаветы Петровны М.В. Ломоносов получил преимущественное (если не использовать

¹⁸ Там же. С. 39.

¹⁹ Там же. С. 40-41.

²⁰ Там же. С. 46.

слово «исключительное») право на написание и представление «торжественных» од. За все 1740-е гг. известны только три оды такого типа, написанные не Ломоносовым²¹. По сути, только ему было предоставлено право выражать общественное мнение (в том виде, как его понимали в середине XVIII в.). И он, не отказываясь от «воспевания» побед, находит новые мотивы «оправдания власти».

В первой же оде, представленной по случаю восшествия Елизаветы на престол, соединенного с днем рождения императрицы (18 декабря 1841 г.), М.В. Ломоносов предлагает трехсоставную формулу обоснования прав дочери Петра I на престол:

Достойна на престол вступи,
К присяге мы готовы вси.
Отдай красу Российску трону
По крови, правам и закону»²².

«Кровь» в этой формуле означает прямое и ближайшее родство с императором Петром I (чего, разумеется, не было ни у Анны Иоановны, ни, тем более, у Ивана Антоновича). «Права» (по нашему разумению) – намек на то, что первым шагом к утверждению на престоле Анны Иоановны было решение Верховного тайного совета, что можно рассматривать как узурпацию прав монаршей власти. Елизавета, в данной логике, не нуждается в подкреплении своих прав каким-либо государственным органом, она обладает ими изначально.

Вместе «кровь» и «права» составляют начала легитимности власти Елизаветы (так можно было бы сказать, если бы в то время существовало само понятие «легитимность»). «Закон» же олицетворяет легальность этой власти. Хотя, понятно, что в своей оде Ломоносов не имел в виду российское законодательство о престолонаследии и в, частности, указ Петра I от 5 февраля 1722 г. Скорее, имелся в виду акт присяги, к которому, по его утверждению «готовы вси».

Мотивы обоснования власти императрицы Елизаветы Петровны, прозвучавшие в первой оде (прежде всего – мотив «крови», «родства»), потом будут много раз повторены и усилены в одах последующих. Так, уже в феврале 1742 г., в оде «На возвращение из Голштинии 10 февраля 1742 г.», описано всеобщее ликование «в сие благоприятно время»:

«Когда всещедрый наш Творец
Восставил нам Петрово племя
И нашей скорьби дал конец,
Уж с радостью любовь согласно
Везде ликуют безопасно.
Всего народа весел шум»²³.

²¹ Алексеева 2005. С. 203.

²² Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 57.

²³ Там же. С. 60.

Но здесь над всеми мотивами, с помощью которых утверждается власть Елизаветы, возвышается один универсальный – мотив высшей (божественной) справедливости. «Всевышняя власть», получаемая не от людей, а от Бога, трактуется как некое качество, которое само по себе преобразует человека, им наделенного, и отделяет от обычных людей:

«Наместница всевышней власти,
Что родом, духом и лицом
Восходит выше смертных части
Прехвальна, совершенна всем,
В которой всех даров изрядство,
С «величеством цветет приятство!»²⁴.

Еще один важный легитимационный мотив представлен Ломоносовым в оде от 10 февраля 1742 г.: «правильная» власть существует во благо России, и это благо (в полном соответствии с законами «пиндаровской» оды) уже *явлено* во всех сферах жизни:

Млеком и медом напоенны,
Тучнеют влажны берега,
И, ясным солнцем освещенны,
Смеются злачные луга.
С полудни веет дух смиренный
Чрез плод земли благословенный.
Утих свирепый вихрь в морях,
Владеет тишина полями,
Спокойство царствует в градах,
И мир простерся над водами²⁵.

Заявленное в одах Ломоносова понимание власти императрицы Елизаветы, как а) преемственной от Петра I, б) законной, в) находящейся под божественным покровительством и г) благотворной для России, - были частично воспроизведены и другими авторами. Благотворность власти Елизаветы – одна из центральных тем «Благодарственной» оды В.К. Третьяковского (второй пол. 1740-х гг.):

«Твоя жизнь наша радость;
Тобою всё цветет;
Ты здрава, нам то сладость:
Всё о тебе живет.
Храни, мы благодушны;
Вели, се мы послушны»²⁶.

Мотив преемственности власти от Петра I есть в оде А.П. Сумарокова «Всемилоостивейшей Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743»:

«Взгляни в концы твоей державы,
Царица полунощных стран,

²⁴ Там же. С. 65.

²⁵ Там же. С. 67.

²⁶ Третьяковский 2009. С. 173.

Весь Север чтит, твои уставы
 До мест, что кончит океан,
 До края областей безвестных,
 Исполнен радостей всеместных,
 Что ты Петров воздвигла прах,
 Дела его возобновила
 И дух его в себе вместила,
 Являя свету прежний страх»²⁷.

Там же звучит и идея божественного покровительства власти Елизаветы ради блага России и ее народа:

«О боже, восхотев прославить
 Императрицу ради нас,
 Вселенну рушить и восставить
 Тебе в один удобно час,
 Тебе судьбы суть все подвластны.
 Внемли вопящих вопль согласный –
 Перемени днесь естество,
 Умножь сея девицы леты,
 Яви во днях Елисаветы,
 Колико может божество»²⁸.

Ответом на это обращение к божественному провидению, выглядит фрагмент из оды Ломоносова «На прибытие Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации». Здесь звучит прямая речь Господа:

«Благословенна вечно буди, –
 Вещает Ветхий деньми к Ней, –
 И все твои с тобою люди,
 Что вверил власти Я Твоей.
 Твои любезныя доброты
 Влекут к себе Мои щедроты.
 Я в гневе Россам был Творец,
 Но ныне паки им Отец:
 Души Твоей кротчайшей сила
 Мой гнев на кротость преложила
 ...
 Мой образ чтят в Тебе народы
 И от Меня влиянный дух;
 В бесчисленны промчется роды
 Доброт Твоих неложный слух.
 Тобой поставлю суд правдивый,
 Тобой сотру сердца кичливы,
 Тобой Я буду злость казнить,
 Тобой заслугам мзду дарить;
 Господствуй, утверждена Мною;
 Я буду завсегда с Тобою»²⁹.

²⁷ Сумароков 1957. С. 59.

²⁸ Там же. С. 63.

Здесь же, впервые в торжественной оде, Ломоносов пишет о том, что *должна делать* Елизавета, будучи правительницей России. (Речь идет об оригинальном творчестве. До этого, в переводе оды Ф.В. Юнкера на коронавание Елизаветы была сформулирована целая программа правления только что вступившей на престол императрице. Но для того, чтобы ответить на вопрос: в какой мере эта программа соотносится со взглядами самого Ломоносова, необходимо отдельное исследование.) Ключевая фраза: «Тобой поставлю суд правдивый». Остальные положения – производны от этого первого.

Для начала, для первой попытки рассказать императрице, что ей надо делать как властному лицу, это самое подходящее положение, поскольку оно очень точно вписывается в общехристианское (библейское) представление о том, для чего нужна власть. Правда, Библия не знает «правдивого суда». В ее текстах используется другое выражение: «праведный суд», опирающееся на фрагмент из Второзакония: «Во всех жилищах твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе, поставь себе судей и надзирателей по коленам твоим, чтоб они судили народ судом праведным» (Втор. 16; 1). Праведный (он же «справедливый») суд – безусловное качество христианской «правильной власти»³⁰. Соответственно, высказывая это пожелание, Ломоносов ничем не рисковал и в то же время, пусть осторожно, но примеривался к роли «пророка», что и полагалось автору од не только «торжественных», но и «политических». В последующих одах, он, не забывая о восхвалениях, постепенно расширял возможности высказывать пожелания власти.

В середине 1740-х гг. в «похвальных» одах Ломоносова складывается жесткая конструкция «оправдания власти». В качестве неизменных элементов в ней выступают два легитимационных мотива и две главные характеристики власти. Первый и самый крупный по объему текста (и смысла) легитимационный мотив – это характеристика власти Елизаветы как прямого продолжения правления ее отца – Петра I. А это правление, в свою очередь, подается как абсолютное благо для России. Все черты петровского правления: от внешних побед, до покровительства наукам и ремеслам, являют собой в одах Ломоносова непрерывную череду подвигов, создавших «славу» России. Более того, поскольку до 1752 г. в одах Ломоносова, посвящённых Елизавете или Петру III, не упомянут никто из тех, кто правил Россией до Петра I, петровская эпоха являет собой отчетливую точку отсчета новой российской истории, а императорская власть существует сама по себе, вне связи с российской историей. Такое понимание власти очень близко к утверждае-

²⁹ Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 84-85.

³⁰ «И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его». (Втор. 1; 16).

тому самим Петром I культурному разрыву с византийской властной традицией и переориентацией на властную традицию Рима³¹.

Второй легитимационный мотив – божественное покровительство Елизавете «Когда на трон Она вступила, / Как Вышний подал Ей венец»³². Прямое покровительство божественных сил или «неба», «небес» у Ломоносова служит синонимом божественной власти российской императрицы («К нам щедро небо преклонилось, / И щастье наше обновилось: / На трон взошла Петрова Дщерь»³³). Как справедливо отметила Е.А. Погосян, применительно к одам Ломоносова 1750-х гг., «главная функция монарха — осуществление “контакта с небесами”, и именно эта функция определяет тип отношений монархини и подданных»³⁴.

Два этих мотива (земной «славы» и «небесного» покровительства), взятые вместе, составляют одну мысль: божественная воля состоит в том, чтобы Россией правил прямой потомок Петра, который будет править так, как правил Петр, и проводить его политику, его же методами. В характеристике власти Елизаветы Петровны первое место отводится ее «славе» – то есть военным победам или (вариант, обозначенный в оде 1742 г. и набирающий силу в одах середины 1740-х гг.) могуществу России, наслаждающейся заслуженным миром:

«Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит;
Любя вселенныя покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,
Щадить велит луга и нивы»³⁵.

Все более важное место в характеристике власти Елизаветы второй половины 1740-х гг. занимает та функция государя, которая может быть обозначена как справедливый или «праведный» суд:

«Священны да хранят уставы
И правду на суде судьи,
И время Твоея державы
Да улажат рабы Твои»³⁶.

Вместе две характеристики власти («слава» и «праведный суд») составляют «щастие» России и ее народов, как это явлено в оде 1746 г. «На день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския:

«Коль наша радость справедлива!
Нас красит сладостный покой;

³¹ См.: Успенский 2000. С. 48-49.

³² Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 198

³³ Там же. С. 139.

³⁴ Погосян 1997.

³⁵ Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 93.

³⁶ Там же. С. 216.

О коль, Россия, ты щастлива
Елисаветиной рукой!»³⁷

или в надписи на иллюминацию 1751 г.:

«Веселием сердца год новый оживляет
И ново щастие в России утверждает.
Довольство, здравие и щастие цветет,
Где светит именем своим Елисавет.
Россия веселясь блажит ея державу,
Что каждый год свою растушу видит славу»³⁸.

При всей неизменности этой легитимно-функциональной конструкции власти, раз за разом повторяемой Ломоносовым в похвальных одах и различного рода торжественных надписях, она могла быть дополнена еще одним элементом «щастья». Например (как в оде 1746 г.) – отторжением иноземцев от престола:

«Взирая на дела Петровы,
На град, на флот и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россия ревностно вздыхала
И сердцем всякой час зывала
К Тебе, Защитнице своей:
«Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни нам Петрово Племя,
Утешь, утешь Твоих людей
Покрой Отчески законы,
Полки противных отжени
И святости Твоей Короны
Чужим коснуться возбрани;
От церькви отврати налоги:
Тебя Монарши ждуд чертоги,
Порфира, Скипетр и Престол;
Всевышний пойдет пред Тобою
И крепкою Тебя рукою
От страшных всех защитит зол»³⁹.

Но это единичный случай. Более важная черта од Ломоносова, ставшая заметной в середине – второй половине 1740-х гг., это указание на главную составляющую «щастья» России – развитие наук (в поэтической речи – муз). Наиболее ярко эта тенденция проявилась в самой знаменитой оде Ломоносова: «На день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны 1747 года»:

«Великая Петрова Дщерь
Щедроты отчи превышает,

³⁷ Там же. С. 143.

³⁸ Там же. С. 410.

³⁹ Там же. С. 138-139.

Довольство Муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

...

Сия Тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная Твоя держава
О как Тебе благодарит!
Возри на горы превысоки,
Возри в поля Свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет:
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью Твоей цветет»⁴⁰.

К началу 1750-х гг. мотив покровительства наукам, как третья составляющая «счастья» России и важнейшая функция императорской власти, прочно утверждается в торжественно-поэтической речи Ломоносова, а сама легитимационно-функциональная конструкция «оправдания власти» приобретает, казалось бы, заверченный вид. Но именно в 1740-е гг. Ломоносов, благодаря усердным занятиям и сотрудничеству с В.Н. Татищевым, становится одним из крупных знатоков российской истории. Историческое мышление «вторгается» в его поэзию. Ломоносов начинает изменять (если не сказать – ломать) им же созданную конструкцию, вводя в нее элементы легитимности допетровских эпох.

Первый раз эту новую (если не считать «норманистской») оды Ивану Антоновичу) конструкцию мы находим в его «Похвальном слове» императрице Елизавете 1749 г. Здесь Ломоносов вводит новый легитимационный мотив – героических деяний предков государыни. Теперь ее «достоинства» – не только продукт «воли небес», но и прямое продолжение достоинств ее предшественников во власти. Ключевое положение этого нового мотива выглядит следующим образом: «Из всех достоинств Монархини наша показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, восставленная, укрепленная, возвеличенная, просвещенная Россия ныне над всеми земными царствами главу свою возносит, которых славныя дела и заслуги к отечеству не меньше надлежат к похвале Ея Величества, нежели кровь оных к Ея рождению послужила»⁴¹.

В 1749 г. Ломоносов был готов вести отсчет «великих дел» от основателя династии Романовых Михаила Федоровича, «обновляющего рассыпанные стены, сооружающего разоренные храмы, собирающего расточенных граждан, наполняющего расхищенные государственные сокровища, исторгающего корень богоотступных хищников Российскаго престола и Москву от жестокаго поражения и глубоких ран исце-

⁴⁰ Там же. С. 202-203.

⁴¹ Там же. С. 240.

ляющего»⁴². Далее следуют дела Алексея Михайловича, «утверждающего благополучие подданных спасительными законами, полки военною наукою, церковь истреблением ереси, простирающего победоносный меч свой на Сармацию и России издревле принадлежащая великия княжества праведным оружием России возвращающего»⁴³. И затем он переходит к деяниям Петра I и его супруги Екатерины. Тем самым в концепцию императорской легитимности был введен историко-героический мотив преемственности «великих деяний».

В оде 1752 года возможности историко-героического обоснования власти государыни были расширены на всю историю России, правда, под специфическим углом зрения, который сейчас именуется «гендерным подходом» в исторических исследованиях. В оде «На торжественный день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года» Ломоносов называет тех женщин, которые «Явили мужеско геройство / Через славныя свои дела»⁴⁴. Он начинает с княгини Ольги, указывая на ее великие качества («Премудрость, храбрость и святыня»), затем называет Елену Глинскую – «великую делами мать», затем мать Петра I – Наталью Нарышкину и, конечно, Екатерину I, «участницу великих дел» ее супруга.

В обновленной конструкции легитимности власти 1750-х «великие» или «славные» дела по-прежнему находятся в ее центре. Именно величие дел служит «оправданием» власти и легитимизирует ее носителей, вместе с божественным покровительством России и правителю, ее олицетворяющему. Но точка отсчета теперь сдвинута от начала XVIII века к веку десятому и распространяется на всю историю России, что и закреплено в оде «На рождение Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича сентября 20 1754 года»:

«О Боже, крепкий Вседержитель
Пределов Росских расширитель,
Коль милостив бывал ты нам!
Через семь сот лет едино племя
Ты с Росским скиптром сохранил»⁴⁵.

Показательно, что Ломоносов называет семь, а не восемь сотен лет правления на Руси, то есть ведет отсчет не от Рюрика и даже не от Игоря Старого, а именно от Ольги. Конечно, можно заметить, что в данной конструкции фразы «восемь сот» не попадают в размер, но для поэта это не может быть препятствием. Легкая переделка строки: «Лет восемь сот едино племя», – и задача решается. Значит, для Ломоносова

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 503.

⁴⁵ Там же. С. 564.

точка отсчета принципиальна. Обратимся вновь к оде, в которой история впервые была использована Ломоносовым, в качестве легитимационного мотива. Это ода «Первые трофеи его величества Иоанна III». Иоанн Антонович на три четверти немец, для него выбирается в качестве точки отсчета «варяг» Рюрик. Позже занятия Ломоносова историей и разработка антинорманистской концепции происхождения государства на Руси приводят его к другой точке отсчета – Ольге, которую в «Родословии российских государей» Ломоносов называет псковитянской и, «по мнению некоторых», правнучкой Гостомысла⁴⁶. «Немцы» Рюрик и Игорь отвергнуты. Образцом для «русской» Елизаветы должна служить «русская» Ольга.

В 1750-е гг. историко-героический легитимационный мотив становится одним из трех равноправных, наряду с наследием Петра I и божественным благословением. А в начале 1760-х гг., особенно в оде «Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, на преславное Ея восшествие на всероссийский императорский престол июня 28 дня 1762 года», – он отчетливо выходит на первый план. Причем в рамках этого мотива возникают несколько новых тематических планов и легитимность Екатерины получает дополнительное обоснование.

Во-первых, Петр III (ликвидировавший все результаты побед русских войск в Семилетней войне) – не герой. А Екатерина не только указывает героические черты характера («премудрая Героиня»⁴⁷), но и окружена «избраннейшими героями»⁴⁸. Во-вторых, преемственность власти от Петра I определяется у Ломоносова не по кровному родству («Не предадим Твоей любви, / Не пощадим последней крови»⁴⁹), а по родству духовному. Екатерина II – наследница великих дел Екатерины I и Елизаветы Петровны и тем «сердца влечет»⁵⁰. Герой на троне нужен России и, следовательно, он торжествует над не героем:

«Теперь злоумышление в яме,
За гордость свержено, лежит:
Екатерина в Божьем храме
С благоговением стоит»⁵¹.

В-третьих (и это, на наш взгляд, самое важное), историко-героическая трактовка распространяется теперь не только на правителей, но и на весь народ:

⁴⁶ Ломоносов. ПСС. Т. 6. С. 346.

⁴⁷ Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 775.

⁴⁸ Там же. С. 776.

⁴⁹ Там же. С. 775.

⁵⁰ Там же. С. 776.

⁵¹ Там же. С. 777-778.

«Исчислите у нас Героев
От земледельца до Царя,
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и «а чужих пределах
И у святого олтаря»⁵².

А раз так, то легитимность правителя определяется героической симфонией царя и народа:

«О коль Монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь»⁵³.

Термина «симфония», применяемого в Византии (и России XVII в.), для описания взаимодействия во власти царя и церкви, в оде, разумеется, нет. Но не вспомнить о нем нельзя, так как там есть такие строки:

«...любите веру:
Она – свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякаго щита»⁵⁴.

Здесь отчетливо звучит мотив единства монарха и народа, базирующегося на общей вере. Этот легитимационный мотив потом возродит Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» и обессмертит своей формулой «православие, самодержавие, народность» С.С. Уваров. Мотив «единства правителя и народа» теперь вытесняет прежде мощно звучавший у Ломоносова мотив «щастья» народа под «державой» царя. И поэтому совсем не случайны в той же оде такие строки:

«Услышьте, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святыя
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготы,
То Бог благословит ваш дом»⁵⁵.

Ю.Н. Алексеева, отметила, что в этих строках Ломоносов формулирует «концепцию власти, основанной не на праве, а на заслуге, и требует от Екатерины заслуг перед Россией, способных оправдать ее шаг»⁵⁶. С первым положением, безусловно, нужно согласиться. Героиче-

⁵² Там же. С. 779-780.

⁵³ Там же. С. 780.

⁵⁴ Там же. С. 778.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Алексеева. 2005. С. 182.

ское начало власти ведет к накоплению суммы заслуг. А совокупность заслуг, по Ломоносову, служит прочным ее основанием. Но мог ли Ломоносов «требовать» этих заслуг? Если соглашаться с этим, то с важной той оговоркой: это – не характеристика отношений Ломоносова и Екатерины II (здесь слово «требовать» немыслимо), а жанрово обусловленный прием торжественной речи. И наконец: выбранный фрагмент – никак не требование заслуг (скорее можно говорить обо всем содержании оды, которое представляет собой набор ожиданий героической судьбы Екатерины как правительницы), а стилизация под речь псалмопевца. То есть, это наставление, но данное в максимально обезличенной форме (с коннотацией: поэт – пророк), с использованием не только семантики псалмов, но и их лексики: «судьи земные» (Пс. 2 и 148), «блюсти (соблюдать) законы» (Пс. 104), «не презирать» страждущих (Пс. 21), беспомощных (Пс. 101), «правда», «милость» и «щедроты» (в Псалмах – только божественные или им даруемые, за исключением «правды» в Пс. 111).

Отметим здесь мысль М. Левитта: «...Оды, сознательно возводившиеся к псалмической модели, стали важнейшим жанром литературы XVIII в. Суть в том, что жанр торжественной оды был питаем сильнейшим источником культурной памяти, и его основные формальные установки отсылали к фундаментальным свойствам русской традиции...»⁵⁷. Важно и то, что псалмопевческая семантика, архаичная по своей природе, в отмеченном выше фрагменте, искусно переплетена с самой актуальной для XVIII в. тематикой – просвещённой монархии: «пороки исправляйте», «ученье», «народна льгота» (те самые «польза» и «пример», о значении которых в панегирическом творчестве Ломоносова 1760-х гг. подробно писала Е.А. Погосян⁵⁸). Это должно было польстить Екатерине, стремящейся в начале своего царствования к одновременному решению двух задач: стать для России своей (что, в первую очередь, значит – православной) и выполнить миссию «просвещённого монарха» в «вольтеровском» понимании этого термина. Самому же Ломоносову поддержка деяний Екатерины в решении этих двух задач, давала возможность занять двойную позицию: с одной стороны – архаического (или классицистического) «пророка», вещающего от имени народа, с другой – мыслителя, утверждающего научную истину.

Итак, мы видим, что семантическое поле власти в одах М.В. Ломоносова постоянно менялось, под действием «внешних» для него факторов (прежде всего – личности каждого нового монарха), так и факторов «внутренних». Становясь старше, искусней и опытней он ощущал в себе силы (и внутреннее право) перейти от восхвалений к наставлению. Профессионально занимаясь древней российской историей, он

⁵⁷ Левитт 2004. С. 373.

⁵⁸ Погосян 1997.

находит в ней все новые и новые примеры для подтверждения той концепции власти, которая у него сложилась, в полном виде, в середине – второй половине 1740-х гг.

В этой концепции три ключевых элемента: верность образу Петра-преобразователя; понимание блага России как ее силы, которую дают военные победы, но в еще большей степени – развитие наук; третий элемент – героическое поведение монарха, его личные подвиги, преобразующие Россию и поддержка тех, кто готов такие подвиги совершать. В военное время такой героизм очевиден и понятен, он ведет к победам. А в мирное время – это подвиг, совершаемый в науках и управлении. Венчает эту конструкцию божественное благословение, посылаемое достойному того правителю, благословение, очевидное для всех, но более всего – для автора похвальных и торжественных од.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Н.Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках СПб.: Наука, 2005. 368 с.
- Бухаркин П.Е. М.В. Ломоносов в истории русского слова. СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.
- Гаспаров М.Л. Поэзия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. Серия: Литературные памятники. М.: Наука, 1980. С. 361–383.
- Левитт М. Ода как откровение: православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах. 2003. М.: Индрик, 2004. С. 368–384.
- Лютгар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 689 с.
- Ломоносов М.Н. Полное собрание сочинений. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 1279 с.
- Мусорина Л.А. Подражания тридцатой Оде Горация в русской литературе // Наука, Университет. Материалы Первой научной конференции. Новосибирск, 2000. С. 86–90.
- Погосян Е.А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.3>
- Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума. // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте Л.: Наука, 1983. С. 3–44.
- Салова С.А. Утро Русской анакреонтики. А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков. М.: Макс Пресс, 2005. 263 с.
- Серман И.З. Оды Ломоносова и поэтика школьной драмы // XVIII век. Сборник 24. СПб.: Наука, 2006. С. 4–14.
- Сумароков А.П. Избранные произведения. Большая библиотека поэта. Л.: Советский писатель. 1957. 607 с.
- Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. М.: Наука, 2009. 667 с.
- Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика царских титулов. М.: Языки русской культуры. 2000. 140 с.

REFERENCES

- Alekseeva N.Ju. Russkaja oda. Razvitie odicheskoj formy v XVII–XVIII vekah. SPb.: Nauka, 2005. 368 s.
- Buharkin P.E. M.V. Lomonosov v istorii russkogo slova. SPb.: Nestor-Istorija, 2011. 172 s.
- Gasparov M.L. Pojezija Pindara // Pindar, Vakhilid. Ody. Fragmenty. Serija: Literaturnye pamjatniki. M.: Nauka, 1980. S. 361–383.
- Levitt M. Oda kak otkrovenie: pravoslavnyj bogoslovskij kontekst odicheskoj poezii Lomonosova // Slavjanskij al'manah. 2003. M.: Indrik, 2004. S. 368–384.

- Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna. SPb.: ALETEJJa, 1998. 160 s.
- Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 6. Trudy po russkoj istorii, obshhestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. 689 s.
- Lomonosov M.N. Polnoe sobranie sochinenij. T. 8. Pojezija. Oratorskaja proza. Nadpisi. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 1279 s.
- Musorina L.A. Podrazhanija tridcatoj Ode Goracija v russkoj literature // Nauka, Universitet. Materialy Pervoj nauchnoj konferencii. Novosibirsk, 2000. С. 86–90.
- Pogosjan E.A. Vostorg russkoj ody i reshenie temy pojeta v russkom panegirike 1730–1762 gg. Tartu, 1997. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.3>
- Pumpjanskij L.V. Lomonosov i nemeckaja shkola razuma. // Russkaja literatura XVIII – nachala XIX veka v obshhestvenno-kul'turnom kontekste L.: Nauka, 1983. S. 3-44.
- Salova S.A. Utro Russkoj anakreontiki. A.D. Kantemir, M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokov. M.: Maks Press, 2005. 263 s.
- Serman I.Z. Ody Lomonosova i pojetika shkol'noj dramy // XVIII vek. Sbornik 24. SPb., «Nauka». 2006. S. 4 – 14.
- Sumarokov A.P. Izbrannye proizvedenija. Bol'shaja biblioteka pojeta. L.: Sovetskij pisatel'. 1957. 607 s.
- Trediakovskij V.K. Sochinenija i perevody kak stihami, tak i prozoju. M.: Nauka, 2009. 667 s.
- Uspenskij B.A. Car' i imperator. Pomazanie na carstvo i semantika carskih titulov. M.: Jazyki russkoj kul'tury. 2000. 140 s

Соловьев Константин Анатольевич, доктор исторических наук; профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова; ksoloviov@spa.msu.ru

**«Rule and have full power over the happiness»
semantics of power in the solemn odes of M.V. Lomonosov**

Solemn odes text analysis gives an indication of the evolution of understanding of the nature of power in Russia. Semantic field of power in the odes is constantly changing under the influence of both external and internal factors. External factors are the person of the monarch and the place of the author in the power system. Internal factors are the study of literature and sources on the history of Russia, the development of self-concept in early Russian history. Gradually Lomonosov felt the strength and the internal law of the praise go to instruction.

Keywords: M. Lomonosov, Russian history, Old Rus power, power semantics, literature and power in the XVIII century

Konstantin Solovyev, Dr.Sc. (History), Professor, Department of State and Municipal Administration History, Faculty of Public Administration, Moscow State University; ksoloviov@spa.msu.ru